

2. Новые люди

ДАВНО наблюдаю за тем, с какой стороны, каким прожектором высвечивается образ революционера. Наш современный молодой зритель и читатель, к великому сожалению, частенько политический наивен и воспринимает зрелище и читиво примерно так: если показывают или пишут что-нибудь страшное — значит это и есть правда.

Сейчас вот вдруг всюду замаячил Нечаев во всех ипостасях (и сам по себе, и как прообраз героя «Весов»). Куда ни плюнь — везде Нечаев. То ли нас предостерегают Нечаевым, то ли нас высмеивают.

А как это было на самом деле? Энгельс пишет, что решение Гаагского конгресса об исключении бакунистов из Интернационала тактически и принципиально было вполне обосновано и что неизбежно было опубликование «грязной стороны русского движения».

«Впрочем, русское движение может перенести спокойно подобный рода разоблачения. Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-

родной дом, его «дворянское гнездо»:

То был пожар особенный: Ведро воды не вылило Никем на весь пожар!

Барский дом горел дотла. Крестьяне наблюдали, как в театре. И точно так же смотрит на пожар «хозяин».

Какая-то игривая Усмешка чуть заметная У каждого в очах...

Это угол зрения поэта-демократа, поставившего себя вне системы рабов и господ.

ПРИЕХАВ в Петербург, Федор Решетников сразу же пошел на могилу Белинского и долго просидел там: «Он и Добролюбов — это мои нравственные учителя... Без них я так бы и погряз в омуте».

Почти что неизвестный широкой публике Решетников, учившийся по Белинскому, — не только демократ, а одновременно первый пролетарский писатель. Прямой предшественник Горького. В Решетникове осязимо приближение третьей, пролетарской революционной волны.

Намеченная Некрасовым тема бурлаков, пройдя краем через роман Чернышевского, полностью отработана именно

ки ласково сплелась... а немного подальше, в глубине уютной комнаты, другие, тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино — и ланеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара... Свеча меркнет и гаснет... И все они умерли... умерли...

Продолжим Решетникова. «На третий день они уложили в гроб мать Сысойки и Апроську в такой одежде, в какой они умерли. На обеих их были худенькие полнущие, худые лапти».

«А пошто она издохла? Пошто? — вскричал Сысойко. — Пошто? — спросил и Пила, а ему тоже обидно сделалось».

«Пила услышал из могилы стон и стук... Пила побежал». «Кто же пишнит-то! Витер? — спрашивал Пила. — Апроська...

— Ну нет, Апроська улетела... Вот так штука!».

Обоих их любопытство брало, что это за штука такая? Иди разве послушать, да боялись они, их трясло».

«Предмет любви Пилы и Сысойки — Апроська — была живая похоронена. Интересно было бы знать, что бы стало с ними тогда, когда бы она пробудилась от летаргии в то

Россия, Россия, Федора мой свет! Ужель не проснешься И в тысячу лет?

Для русской поэзии не новость образный ряд Родина — женщина — жена, но столь сниженно-мужичко и одновременно пламенное сравнение — не женщины, а бабы! — с несчастной Родиной, по-моему, единственное в нашей поэзии.

Вот вам и драгун...

В своих статьях о литературе Чернышевский замечает, что многие великие поэты Западной Европы служили искусству, а не Родине. «О художественных заслугах перед искусством, а не особенных, преимущественных стремлениях действовать во благо родины, напоминают их имена. У нас не то: историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силой его патриотизма». (Так же рассуждал и Ленин; именно поэтому он так высоко ценил Чернышевского не только как героя и мыслителя, но и как писателя).

РАЗУМЕЕТСЯ, демократы работали не в изоляции, а в постоянной идейной борьбе с сильным противником: линии размежевания проходили, во-первых, между демократами и либералами и, во-вторых, между демократами и открытой реакцией. Лучше всего эта борьба прослеживается на судьбе Добролюбова.

Он работал только четыре года. Сразу же со студенческой скамьи он встал во главе развития общественной мысли. Случай единственный в России. Возможно, и единственный в мире.

Чернышевский любил его сильнее, чем своих сыновей. Естественно, что противники его ненавидели. «Кто глдит по шерсти всех и все, тот (по Чернышевскому), кроме себя, не любит никого и ничего; кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла. Кого никто не ненавидит, тому никто ничем не обязан».

Но Добролюбова ненавидели исключительно! Он не признавал компромиссов и ни разу не сделал ни единого шага вопреки своим убеждениям. Современники подчеркивают в нем «сосредоточенную замкнутую силу», «Страшная сила, непреклонная энергия и неудержимая страсть его убеждений». Он защищал как критик «партию народа в литературе» (его собственная формулировка). Был чрезвычайно практичен, но в ведении литературного, журнального хозяйства, а в частной жизни, подобно Белинскому и Чернышевскому, был настолько неприхотлив, что даже поражал житейской бездарностью.

Его «Свисток» (сатирическое приложение к «Современнику») одобрили революционные настроенные читатели и небольшая группа единомышленников своего круга.

В поход против «нигилистической язвы», которой был «заражен» «Современник» и прежде всех и больше всех — Добролюбов, отправилась вся правая печать во главе с заслуженными писателями.

Неожиданный выкрик Герцена в адрес Добролюбова: «Очень опасно!!!» (почему-то по-английски). Герцен в Лондоне подозревал, что такой отчаянный свист может раздаваться в России только по команде секретных служб, которым это для чего-то надо. Герцен полагал, что Добролюбов достигнет «до Станислава на шею». Однако Добролюбов достигался, разумеется, не до ордена, а до чашки.

...Я умираю Оттого, что был я честен.

Эта неожиданная смерть не смутила его противников. Самые ожесточенные выпады против Добролюбова приходили на первые годы после его смерти. На фоне клеветы об «агентах» и бесмыслицы вроде того, что «Свисток» убил русскую поэзию, меркнет даже сакраментальное тургеневское: «Жаль погибшей, напрасно потраченной силы!».

Герцен в Лондоне напечатал строгий некролог: похоже, что он быстро понял свою ошибку.

Некролог, написанный Чернышевским, напоминает вопль, который можно выразить так: лучше бы я умер!

Из только что выпущенных в свет впервые (!) собранных воедино и изданных массовым тиражом воспоминаний о Добролюбове:

«Добролюбов похоронен на Волковом кладбище, рядом с Белинским; там есть еще и третье свободное место, «но нет еще для него человека в России», — сказал Н. Г. Чернышевский, бросая последнюю горсть земли...»

Так мы с вами вновь вернулись к могиле Белинского. Раздел по литературным правилам «закольцевался».

Закончу его словами главного героя статьи, которые прозвучат более чем уместно:

«Источник не иссякает оттого, что, лишившись людей, хранивших его в чистоте, мы по небрежности, по легкомыслию допустили завалить его хламом пустословия. Отбросим этот хлам, — и мы увидим, что в источнике еще живым ключом бьет струя правды...»

Е. ЛОСОТОВ.

СУДЬБА НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

то породила такого пройдоху, как Бакунин, и нескольких незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжались, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга».

Однако вот Нечаев стал выступать у нас от имени левого крыла, а ни Чернышевского, ни Добролюбова что-то не выдать на наших сценах, не слышать в наших разговорах.

Грязная сторона русского движения — давний поплавок консерваторов, бывает, и не осознающих себя консерваторами, а мнящих себя «гуманистами». Несколько студентиков превращают в пугало для обывателя. Разве они олицетворяют левое крыло?

Какие-то малосимпатичные человечки вот уже вторую сотню лет стремятся вытеснить собою образ революционера. Еще в прошлом столетии какой-то персонаж воровал носовые платки из чужих карманов — вот он и должен был олицетворять собою революционера (на языке консерваторов и либералов — «нигилиста»). Вы не заметили, что это слово вновь употребляется в отрицательном смысле? Дама-«нигилистка» непременно изобразилась в мятом платье, с «пахитоской» и с серьезной книгой. Теперь она видоизменилась: в платье из немнущейся материи, которое не надо гладить, и, поскольку «пахитоски» уже маловато, то сверху донизу вся засыпанная пеплом, как вулкан. Серьезные книги остались.

Зато весьма приятные персонажи обоих полов хранят «устой» и презирают революционное переустройство мира.

Так называемый «нигилизм» в России (а говоря точными словами, революционные настроения) имел куда как уважительные причины для своего существования!

Энгельс — Бебело, 15 октября 1875 г.:

«Русская придворная партия, которая теперь является, можно сказать, правящей, пытается взять назад все уступки, сделанные во время «новой эры» 1861 года и следующие за ним лет, и притом истинно русскими способами. Так, например, снова в университеты допускаются лишь «сыновья высших сословий», и, чтобы провести эту меру, всех остальных проваливают на выпускных экзаменах. Эта судьба в одном лишь 1873 г. постигла не менее 24.000 молодых людей... И после этого удивляются распространению «нигилизма» в России».

ДАВАЙТЕ все же присмотримся к «нигилистам» (то есть к новым людям) поближе. Почетче прочтём восходящие к нам линии. Ведь недаром Россия отмечена тем, что именно ее волны превращались в девятый вал! Это вызвано тем, что на действие общих законов влияла, как бензин на пожар, взрывоопасная смесь «сокровенного».

Новые люди, если рассматривать их психологию, — это не господа и не холопы. Люди без барства и без холопства. То есть не рабы.

Нация с господско-холопской психологией — это нация рабов. Если в основании социальной пирамиды — рабы, то рабы и наверху: культура «верхов», их нравы, их идеология полностью завязаны от «низов». «Верхи», разумеется, могут тешить себя иллюзиями, но это не меняет дела. С двуединой господско-холопской психологией можно распрощаться, только если психологически поставишь себя вне самой системы, если примешься разрушать ее всю. В общем-то, это и означает стать революционером.

Некрасов описывает, как горят барская усадьба — его

Решетниковым в «Подлиповцах» (она недаром посвящена Некрасову, но только Некрасову, так как имя Чернышевского было под запретом, и торжественно выставить его на первую страницу автор не мог).

Бурлаки — первые эксплуатируемые рабочие России. От них Решетников пошел к либейникам, кузнецам, ремесленникам...

Нельзя сказать, чтоб в нашей критике никто не понимал значения этого явления. Один из ведущих публицистов революционно-демократического лагеря Н. Шелгунов отчаянно жал на общественное сознание, пытаясь сломать стереотипы, сместить акценты в пользу демократии. «Отношение писателей (Тургенева, Гончарова и др.) к простому человеку было отношение художественное; в мужике видели новый литературный материал, материал модный, понавший в запрос. Мужики под пером дилетантствующих литературных идеалистов превратились в дворян в зипунах, а бабы — в барышень-крестьянок и горничных барских домов. Только с освобождением крестьян народный реализм стал на ноги, когда писателями выступали те, кто мог говорить о себе и за себя, а не за других, как это было до тех пор».

Решетников становится на новую почву обеими ногами и искренно. По богатству и характеру материала, который затрагивает и дает Решетников, — он первый на этом пути».

У Решетникова осязима связь с Некрасовым (тот же поиск, кому на Руси жить хорошо):

— Куда бог несет?..

— Туда, где лучше.

Осязимо влияние Г. Успенского (женская тема того же романа «Где лучше?»).

А вот и прорыв в будущий оценочный ряд, в грядущую лексику: «Карета остановилась против Николы, и из нее вышло человек девять мужчин и женщин, из коих половина, по одежде, принадлежала к порядочному сословию, а другая половина к голодающему классу». Здесь уже осязимо приближение Блока:

Молчали желтые и синие;

В зеленых плаках и пели.

Проследить восходящие к нам линии понятий и образов сейчас своевременно, как, может быть, никогда. Потому что, если принять за чистую монету мужиков и барышень «литературных идеалистов» (а именно им в последний период давалась возможность представлять великую русскую литературу), то и в самом деле может показаться, что мы движемся не вперед, а вспять. Неведомо чего революционеры хотели, ведь благодать-то какая была на святой Руси. Куда ни глянь — везде «следы довольства и труда».

Теперь я попробую провести для вас две линии. Чтобы читатель увидел, как проходят: линия дворянской литературы — и линия революционно-демократической литературы. Тургенев: «...На окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка — и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звезд. Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы...»

Решетников: «Матрена больше всего в своей жизни любила корову. Корову для нее была больше, нежели дети: дети ей ничего не давали, а корова снабжала всю семью молоком и летом не просила есть, а питалась в лесу...»

Продолжим Тургенева. «Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазами, алые щеки трепещут сдержанным смехом, ру-

время, как Пила ладил веревку обвязывать гроб. Вероятно, они разбежались бы, а может быть, и убили бы ее».

Один из наших читателей москвич М. утверждает, что я решила «затравить Тургенева». Такого намерения у меня нет. Более того, я не знаю строк прекраснее, чем только что процитированные тургеневские строки. Однако нельзя пирожное ставить выше хлеба. Когда из исторической глубины к нам восходит одна лишь линия «художественности» и теряется линия революционной демократии, то мы рискуем потерять правильное представление о том, что же такое наша история: прогресс или регресс.

«Зрелость (по Чернышевскому) измеряется степенью близости к действительности». Требуя Чернышевского — писать о народе «правду без всяких прикрас» — соответствует и творчество В. Слепцова: «...Гнилые серые крыши, черные окна, с запахом гари и ребячьим писком, кривые ворота и дырявые, покачнувшиеся плетни, с висающими на них посконными рубахами». Однако ни у кого, кроме как у Решетникова, нет столь ярких картин бедности, темноты, бескультурья огромных народных масс.

...Читая воспоминания о Ленине, наткнулась на одно его впечатление от крестьянских холодов:

— Из какого глубокого и страшного ада должен подняться, выбиться наш бедный народ!

Восхождение понятий и образов... Одна и та же линия. Дневник Решетникова наконец-то напечатан! А то его следы обнаруживались лишь в «Литературном наследстве». Главное, что видно из дневника: автор живет одной, единой жизнью (используем его собственную формулировку) с голодающим классом.

В дневнике Решетникова — описание смерти лично ему близкого рабочего, его героя, Клонова Дорофеича. «В среду 14 ноября его свезли в больницу чернорабочих: он уже не мог говорить. Болезнь его назвали тифом — и не было никакой надежды на выздоровление... По значительности болезни его 27 ноября назначили в клинику, но я, зная, что там он поступит в препараточную, взялся сам хоронить его».

Две линии проведены здесь для того, чтобы читатель оценил значение произошедших перемен: голодающий класс в произведениях демократов заглушил своим голосом. Со страниц журналов зазвучал совершенно новый для России голос, вовсе некрасивый, часто жуткий.

Уникальное свойство России: ни одна другая страна не дала революционеров из аристократов, а мы имеем декабристов. Ни одна другая страна не дала интеллигентов, полностью отождествивших себя с темным, забитым, безграмотным мужиком, а мы имеем демократов. Мировая цепь недаром перетерлась именно в России...

ИЗ ИСТОРИИ русской ссылки и русской поэзии (на левом крыле общественного движения эти два явления сплетены воедино). А. Красовский, офицер, подполковник Александровского драгунского полка. Хорошо знал и степень развития, и психологию солдат. Вел среди них революционную пропаганду. На каторге написал удивительное стихотворение «Сон каторжника». Оно большое, поэтому нет возможности привести его полностью, но два четверостишия дадут представление о нем:

Россия, Россия, Федора моя! Огромная дурал! Как жаль мне тебя!